

А. М. Бухарев

Святой пророк Даниил

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. М. Бухарев**
Святой пророк Даниил / А. М. Бухарев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
192 с.

ISBN 978-5-458-16488-7

Св. пророк Даниил. Очерк его века, пророческого служения и священной
книги.

ISBN 978-5-458-16488-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ствѣ за Пророка, будучи не въ силахъ спасти его... Нелѣпость язычества здѣсь уже не прикрыта никакою личиною или обольстительнымъ призракомъ, и слѣдовательно язычество уже доходило до такой безжизненности, что не давало и ложнаго удовлетворенія религіознымъ потребностямъ человѣка. Близко было время распаденія язычества (*). Неудовлетворенный и неуспокоиваемый въ самыхъ существенныхъ потребностяхъ своихъ, духъ человѣческій естественно долженъ былъ въ мірѣ языческомъ предаваться или закоснѣнію духовному, или же тяжелымъ недоумѣніямъ.

Внѣшнія судьбы и перевороты языческаго міра тѣмъ болѣе располагали къ недоумѣннымъ размышленіямъ. Еще недавно, по праву силы и насилія, Ассиріане преобладали надъ народами; по тому же праву, преобладаніе ихъ подавилъ и на мѣсто его распростеръ свой деспотизмъ надъ міромъ — царь Вавилонскій; этотъ послѣдній, въ свою очередь, при Давидѣ же долженъ былъ уступить деспотическое преобладаніе надъ міромъ Персидскому завоевателю. Судьбами царствъ и народовъ распоряжались и помыкали сила человѣческая и произволъ имѣющихъ силу. И такъ, что же послѣ этого міръ сей? Что значить вся судьба и жизнь

(*) Такъ было на Востокѣ. Элліическое язычество еще имѣло силу очарованія для обольщаемыхъ имъ, но, чуждый духу восточнаго благоговѣнія въ вѣрованіяхъ, эллинизмъ едва ли не глубже, чѣмъ восточное язычество, былъ подкопанъ въ своихъ религіозныхъ основаніяхъ.

человѣческая? Какой смыслъ и послѣдствія всего бывающаго въ мірѣ? Эти вопросы должны были, и въ самомъ язычествѣ, невольно занимать и волновать, по крайней мѣрѣ, высокія души. Такъ, именно великій завоеватель Вавилонскій предавался недоумѣніямъ и размышленіямъ о томъ: что же будетъ за всѣмъ этимъ? Къ чему идетъ или ведется настоящій порядокъ вещей? *Помышленія твоя на ложи твои въздоша*, говорилъ ему Даніилъ, *чесому подобаетъ быти по сизъ* (*) (Дан. 11, 29). И такъ языки, по крайней мѣрѣ въ лицѣ высшихъ своихъ представителей, начали съ тоскою ощущать свое удаленіе отъ истины и недоумѣвать о своей судьбѣ.

Въ такомъ состояніи язычниковъ, — если они въ самомъ дѣлѣ не были оставляемы рѣшительно на произволъ случая и свой собственный, а напротивъ были готовымы Промысломъ къ лучшему, — благовременно и потребно было съ силою напомнить имъ объ истинномъ Божествѣ, о владычествующей всѣми царствами и царями небесной Державѣ, возвѣститъ объ опредѣленномъ и грядущемъ спасеніи всего міра.

Что касается до Іудеевъ, — они тогда были подъ великимъ гнѣвомъ Божиимъ, были внѣ земли обѣтованной, безъ храма и жертвъ, подъ игомъ ино-

(*) Что этотъ вопросъ: *чесому подобаетъ быти по сизъ*, не должно понимать въ смыслъ одного празднаго любопытства о будущемъ, это очевидно изъ того, что отвѣтомъ на этомъ вопросъ было великое Божественное откровеніе, давшее Навуходоносору.

племенной власти. Это должно было возбудить Іудеевъ отъ духовнаго усыпленія, котораго до толѣ ничто не могло разогнать. И какъ отъятіе дорогаго, но злоупотребляемаго или пренебрегаемаго, предмета обыкновенно заставляеть уже съ любовію стремиться къ нему и жалѣть о немъ: такъ разрушеніе сѣноваго устройства церковнаго, затемненнаго собственнымъ его ветшаніемъ и пороками избраннаго народа, могло болѣе или менѣе оживить для вѣры спасительное значеніе этой законной сѣни. Дѣйствительно, извѣстная пѣснь плѣнниковъ Вавилона: *на рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сидохомъ и плакахомъ, внигда помянути намъ Сіона*, — прекрасно выражаетъ мысль объ Іерусалимѣ, какъ живо еще представляющемъ собою, для вѣры, небесную отчизну. Но возбужденной вѣрѣ въ обѣтованную благодать, предъявляемую въ ея образныхъ видахъ и проявленіяхъ, сейчасъ же потребности соотвѣтственная пища и опора; между тѣмъ сѣновное устройство церковное представляло пока однѣ почти развалины. Посему требовалось, чтобы избранному народу, и въ плѣну его, видна была непоколебимая держава Всевышняго Царя Израилева, и чтобы, въ замѣнъ отъятыхъ у Іудеевъ залоговъ грядущей благодати, было предложено вѣрѣ новое удостовѣреніе въ непреложности обѣтованій благодати.

Правда, еще и прежде, при затемнѣніи значенія образовъ ветхо-завѣтныхъ, были даны церкви (особенно чрезъ Исаію) многія почти Евангельскія откровенія о разныхъ тайнахъ и событіяхъ Христова пришествія и царства. Но надобно сказать, что у

прежнихъ пророковъ торжество грядущаго Христа, имѣвшее открыться образно въ избавленіи Іудеевъ отъ Вавилонскаго плѣна, и будущее явленіе лично Его самаго представляются на одной общей картинѣ и нерѣдко черты того и другаго сливаются въ одинъ образъ (Почему это было, мы ужъ (*) знаемъ). Теперь, если, по Апостолу, и сами святые пророки въ точности не знали, а только испытывали, на которое и какое время указывалъ въ нихъ Духъ Святой, глаголавшій о Христовыхъ тайнахъ (I Петр. 1, II): то тѣмъ болѣе для прочихъ членовъ церкви было недовѣдомо, вмѣстѣ ли съ избавленіемъ ихъ отъ Вавилонскаго плѣна или еще когда либо въ дальнѣйшихъ за тѣмъ временахъ—вполнѣ откроется пришествіе Христово и вообще обѣтованная Христова благодать. Должно сказать еще болѣе:—Соединеніе у пророковъ предсказаній объ избавленіи Іудеевъ отъ плѣна силою Христовою и о явленіи самаго Христа естественно располагало къ ожиданіямъ явленія обѣтованнаго Христова царства, именно, вмѣстѣ съ концемъ плѣна. Но вотъ этотъ плѣнъ, во время Давида же, оканчивался; между тѣмъ, съ самымъ возвращеніемъ Іудеевъ изъ плѣна, не только не являлась обѣтованная благодать, но даже и самое сѣновное ееокра- тическое устройство, въ своемъ возстановленіи послѣ бѣдствій плѣна, было много бѣднѣе и блѣднѣе прежняго. Одна за другой слѣдовали, почти всемірныя по тому времени, монархіи, и Израилю

(*) См. статью „Пророкъ Исаія.“

не возможно было имѣть даже гражданской независимости. Избранный народъ, наслѣдникъ всемірныхъ обѣтованій, долженъ былъ раздѣлять общую участь современныхъ народовъ и царствъ, — быть предметомъ наслія и деспотическаго произвола преобладателей, и по своей внѣшней ничтожности онъ даже менѣе, нежели иной народъ, могъ надѣяться когда нибудь совершенной самостоятельности. Слѣдовательно, прежнія столь обильныя и свѣтлыя пророчества о временахъ благодати, не довольно раздѣленные у пророковъ отъ предсказаній о концѣ Вавилонскаго плѣна, не только не облегчали тогдашняго великаго испытанія для вѣры, но ставали ее еще въ болѣе трудный и тяжкій подвигъ. Это было нѣчто подобное тому, если бы сиротѣ зывающему къ матери указано было извѣстное мѣсто съ намекомъ на радостное явленіе здѣсь матери, и однако на этомъ мѣстѣ только еще яснѣе оказалось бы бѣдное его сиротское одиночество.... не увеличилась ли бы тягость его сиротства чрезъ самыя прежнія обнадеживанія въ свиданіи съ матерью? Что и Ветхозавѣтная вѣра была въ подобномъ тягостномъ положеніи со временъ уже Кира — освободителя Іудеевъ, ясное доказательство тому есть въ книгѣ самаго Даніила. Самъ Пророкъ, бывшій конечно лучшимъ или первымъ изъ вѣрующихъ того времени; вотъ что говоритъ о себѣ: *въ тыя дни*, именно уже въ третій годъ Кира, когда, слѣдовательно, Іудеи были уже возвращены въ свою землю съ покровительствомъ имъ царя Персидскаго, и притомъ во дни, назначенные закономъ для тор-

жества пасхальнаго (первыя недѣли перваго мѣсяца), *въ тѣхъ дни азъ Даниилъ бѣхъ рыдая три седмицы дней, хлѣба возжелѣннаго не ядохъ, и мясо и вино не вниде во уста моя, и мастію не помазася до исполненія трехъ седмицъ* (10, 2. 3). Такъ-то, въ такомъ-то расположеніи духа, былъ Пророкъ при концѣ плѣна, предрекая который прежніе пророки только предавались восторгу, восхищаясь къ созерцанію самой Христовой благодати! Вмѣсто предреченнаго явленія свѣтопоснаго ея лица съ окончаніемъ плѣна, Даниилъ мысленно видѣлъ свой народъ—этотъ сонмъ избранныхъ, по обѣтованію, чадъ Божіихъ, состоящимъ подъ зависимою отъ Боговраждебнаго языческаго міра, немѣющимъ достаточной силы и безопасности возстановить Святый градъ и храмъ, озлобляемымъ на своемъ священномъ наслѣдіи—въ землѣ обѣтованной отъ недостойныхъ пришельцевъ Самаріи. Самый праздникъ пасхи, напоминая еще древнее славное избавленіе отъ Египетскаго плѣна, только усиливалъ въ Пророкѣ скорбное чувство настоящаго жалкаго и стѣсненнаго положенія избраннаго народа, какое продолжалось и по возвращеніи изъ Вавилонскаго плѣна, — хотя прежніе пророки, на примѣръ Исаіа, провидя окончаніе этого плѣна чрезъ Кира, съ восторгомъ указывали притомъ и на открытіе въ Израилѣ благодатнаго Царства Божія. Удивительно ли, что Даниилъ, вмѣсто радости пасхальнаго праздника, — *въ тѣхъ дни бѣ рыдая три седмицы дней и не вкушалъ хлѣба возжелѣннаго и проч?*

Въ такихъ мракахъ вѣры крайне потребенъ былъ для церкви свѣтъ новыхъ откровеній о грядущей благодати. И именно требовалось для вѣры, чтобы обѣтованная область благодати и спасенія была по яснѣе прежняго разграничена отъ обстоятельствъ Ветхо-Завѣтной гражданской ееоократіи: такъ какъ, собственно отъ недостатка такого разграниченія, у прежнихъ пророковъ, и происходило теперь особое затрудненіе для вѣры. Потребно было дать церкви опредѣленное и обстоятельное путеводство на все время упадка древле процвѣтавшей ееоократіи: иначе же при упадкѣ или униженіи сѣноваго ееоократическаго порядка вещей, когда притомъ прежнія „пророчества“ о грядущемъ Христовомъ Царствѣ могли казаться относящимися къ этому самому времени послѣ плѣна Вавилонскаго, — Ветхо-Завѣтная вѣра необходимо оставалась бы безъ твердой опоры и на самыхъ темныхъ распутіяхъ.

Наконецъ вообще состояніе тогдашняго человѣка было таково, что во I-хъ, человѣкъ уже не успокоивался на одномъ непосредственномъ познаніи предметовъ и на преданіи, но начинала уже въ немъ пробуждаться потребность дознавать предметы отчетливою мыслію, рождались вопросы любознательные. Доказательствомъ тому — служить не только духовное любовѣдѣніе, видное въ Даніилѣ, но и то, что даже Навуходоносоръ задавалъ себѣ вопросы о дѣлахъ и судьбахъ міра. Это требовало такого Божественнаго руководства, которое отчасти и было бы преподаваемо по вопросамъ самаго человѣка, отчасти давало бы ему самому вы-

водить изъ своихъ внушеній должны и нужные результаты или примѣненія. Такому предначатію духовной самодѣтельности въ спасаемомъ человѣкѣ естественно было обозначаться, предъ окончаніемъ Ветхо-Завѣтнаго воспитанія этого человѣка, какое было дано ему подъ непосредственнымъ руководствомъ Божиимъ. Во 2-хъ, человѣкъ еще и въ естественномъ состояніи не вовсе лишился способности и пріемлемости къ начавшимся въ Эдемѣ и по паденіи отчасти продолжавшимся нагляднымъ, доступнымъ для чувствъ, явленіямъ изъ міра горняго: доказательство тому представляютъ Божественныя откровенія и явленія, бывшія по свидѣтельству Даніиловой кнѣги и язычникамъ. Впрочемъ, земнородное естество, нѣкогда свѣтло отражавшее Божественныя и духовныя предметы, теперь является уже столь далекимъ отъ этихъ послѣднихъ, что и великій Пророкъ при явленіяхъ изъ духовнаго міра трепеталъ до крайняго изнеможенія, продолжавшагося иногда *на дни многи* (8, 27). Такое состояніе человѣка дѣлало возможнымъ и привлекало къ спасаемому человѣку Божественное руководство—правда, еще на Ветхо-Завѣтныхъ началахъ, но уже одно изъ послѣднихъ и заключительныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, — такое руководство, которое точнѣе опредѣляло бы отношеніе къ земному небеснаго и духовнаго.

И такъ великому Пророку Даніилу, по его времени, подлежало вообще такое великое пророческое поприще. Относительно міра языческаго, ему подлежало быть созерцателемъ и истолкователемъ,

или самымъ органомъ небснаго напоминанія язычникамъ объ истинномъ Богѣ и Владыкѣ всего міра и о грядущемъ всемірномъ Царствѣ Его благодати. Для плѣннаго же Божія народа онъ долженъ былъ явиться непоколебимымъ ничѣмъ орудіемъ и провозвѣстникомъ Державы Севышняго Царя Израилева, благовѣстникомъ непреложнаго спасенія, неограничиваемаго предѣлами и условіями сего міра и сей жизни, путеводителемъ ихъ чрезъ свои пророчества на все примрачное время упадка древней еократіи. И притомъ его назначеніе было такое, чтобы быть однимъ уже пзъ послѣднихъ служителей Ветхо-Завѣтнаго воспитанія человѣчества, — такимъ, который предназначалъ бы уже духовное разумѣніе, свойственное Ново-Завѣтнымъ временамъ, и яснѣе открывалъ бы значеніе для земли небснаго и благодатнаго.

Особенныя духовныя свойства Даниїла и внѣшнія обстоятельства его жизни.

Даниїлъ, по своимъ личнымъ достоинствамъ и по своимъ положенію и обстоятельствамъ въ жизни, совершенно соотвѣтствовалъ своему высокому и многостороннему пророческому назначенію.

Онъ происходилъ изъ знаменитаго рода въ Іудейскомъ племени — или изъ вельможескаго или даже изъ царскаго (смотр. Дан. 1, 3. 6); отличался превосходными дарованіями и способностями, и въ особенности любознательнымъ и обширнымъ умомъ (ст. 4). Онъ взятъ былъ въ плѣнъ еще прежде разоренія Іерусалима и въ цвѣтущей юности. Впечатлѣнія крайняго упорства и нечестія Іудеевъ тогдашняго времени не могли еще преогорчить души его, какъ то видно напр. въ Іереміи и Іезекіилѣ. Но грозные суды Божіи, совершавшіеся надъ избраннымъ народомъ, должны были сильно дѣйствовать на юную размышляющую душу, глубоко смирать ее предъ Богомъ и исполнять живымъ участіемъ въ бѣдствіяхъ отечества. Поэтому, конечно, Прор. Іезекіиль и поставляетъ Даніила въ рядъ праведниковъ — ходатаевъ за грѣшныхъ. Въ Вавилонѣ плѣнный юноша, вмѣстѣ съ тремя подобными ему товарищами, вскорѣ былъ отличенъ по своимъ необыкновеннымъ достоинствамъ и избранъ, по распоряженію царскому, къ придворному назначенію. Трехгодичное высшее воспитаніе, при царскомъ дворцѣ, давало пищу его любовѣдѣнію и служило къ раскрытію его обширныхъ умственныхъ способностей (ст. 17); а жизнь и постоянное обращеніе между язычниками давали случай къ подвигамъ вѣры и вѣрности отечественному закону Божію народа (ст. 8—16), — такъ, напримѣръ, Даніилъ, съ тремя своими товарищами, не хотѣлъ принимать пищи и съ царскаго стола, чтобы не